Церетели Зураб 16.01.03

Зураб ЦЕРЕТЕЛИ, художник:

Лужков ко мне во снах приходит

2003 год пройдет в столице под знаком Зураба Церетели. 4 января один из самых известных широкой публике и плодовитых художников Москвы отметил свой 69-й день рождения и сразу после пышного грузинского застолья стал готовиться к юбилею. Центр подготовки — дом на Большой Грузинской, 13. Занимающий полквартала старинный особняк — вмещающий в себя мастерскую, квартиру и даже небольшой парк скульптур — когда-то принадлежал предкам Зураба Церетели. Вход в мастерскую охраняют гигантский клоун и белоснежная Фемида с весами. Во дворе — медведь с Манежной площади, мозаики цветного стекла и множество копий разных работ мастера. Проходя мимо, он ласково их поглаживает. На первый взгляд предельно добродушный и гостеприимный, Церетели искренне переживает, что его искусство так часто и язвительно критикуют, но находит в себе силы не сосредоточиваться на этом. Он много зарабатывает и много дарит. Он дружит с властью и считает, что для художника это не зазорно. Таким увидели Зураба Церетели корреспонденты «Известий», поздравив его с днем рождения.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАШКИН

• СПРАВКА «ИЗВЕСТИЙ»

Зураб Константинович Церетели родился 4 января 1934 года в Тбилиси. Его отец — Константин Иванович — инженер-строитель. Мать — Тамара Семеновна Нижерадзе — домохозяйка. Заметное влияние на ребенка оказал дядя — брат его матери, известный живописец Георгий Нижерадзе. Так что выбором, куда пойти учиться, Зураб не мучился. В 1952 году он поступил в Тбилисскую академию художеств.

С конца 60-х годов молодой художник начал активно работать в области монументального искусства. Ныне монументы Церетели расставлены по всему земному шару: в России, Грузии, на Украине, в США, Великобритании, Франции, Турции, Уругвае и других странах.

В 1999 году Церетели организовал первый в стране Московский музей современного искусства и передал ему собственную коллекцию, содержащую несколько тысяч произведений. В 2001 году открыл в Москве музей «Галерея искусств». Сегодня Зураб Церетели — народный художник СССР, России и Грузии, лауреат многих премий, как российских, так и международных. В Москве среди наиболее известных работ Церетели — монумент «Дружба навеки» (на Тишинской площади), посвященный 200-летию Георгиевского трактата, памятник Петру Великому, мемориал Великой Отечественной войны на Поклонной горе и дизайн внешнего и внутреннего убранства Храма Георгия Победоносца, а также убранство храма Христа Спасителя.

Несколько лет назад ушла из жизни единственная жена Зураба Церетели Инесса. Дочь Елена живет в Москве, растут два внука — Василий и Зураб и маленькая внучка Виктория. Старший внук Василий, получив образование в Нью-Йорке, серьезно помогает деду в Музее современного искусства на Петровке.

Виктория ВОЛОШИНА,
Анна ФИЛИМОНОВА

«Дома я только сплю»

— Кто для вас главный человек в жизни?

— Бабушка для меня очень важный человек была. И вообще — женщины моей семьи. Они все хорошее образование получали, все в Санкт-Петербурге учились. Грузины тогда медицине учились в Германии, юридическое образование получали в Англии, а гуманитарное — в Питере. Моя супруга была Андроникова. Ее тетя Лиля Андроникова жила в Санкт-Петербурге. Рассказывала мне, как они, когда началось революционное движение и появились люди в черных рубашках, все переехали в Москву, а отсюда уже, через Грузию в Турцию, — в первую эмиграцию. Она красавица была, а Андроников был правой рукой де Голля. Она мне показала тайное письмо де Голля: «Вы помните, как мы танцевали и я говорил вам, какая у вас красивая шея...» Я спросил: «Тетя Лиля, он не целовал вас в шею?» Она та-ак на меня посмотрела...

— Вам самому не приходилось совершать глупости из-за женщин?

— Конечно, приходилось. Когда я увидел свою жену. Это было в Тбилиси. Я шел пешком из Академии, в кармане были грязные кисти. И вдруг вижу — две девушки идут, энергично так. Хвостик, белая куртка, нос греческий... Прошли, я стою, они — ноль внимания. Потом товарищ пригласил на день рождения — судьба, видно. Пришел с опозданием. Вижу — на стуле стоит та девочка и стихи читает по-русски. Я тогда русский совсем не знал. А она по-грузински плохо говорила — родителей расстреляли в 37-м году и воспитывал ее Смирянин, был такой народный артист СССР из театра Грибоедова в Тбилиси (если вы помните, в «Человеке-амфибии» играл, такой старый, красивый). Да. Читает стихи, все аплодируют. Тогда я пригласил ее в кино. Она с подружкой пришла. Фильм назывался «Тринадцать». Еще раз пригласил — она с двумя подружками пришла. Я сказал — буду приглашать, пока до тринадцати подружек не дойдем... Смеялись.

— Вы прожили сорок лет вместе с супругой. Тяжело без нее?

— Каждая мелочь у меня дома напоминает о ней. Супруга болела шесть лет, это выработало у меня особое внимание (я вообще по натуре внимательный) к семье, к дому... Но знаете, я поймал себя на том, что все внимание, которое я отдавал ей, сейчас перешло на Академию. Дома я только сплю, днем — или в мастерской, или в Академии, или в музее. Вся жизнь у меня теперь там.

— Как вы отдыхаете? Говорят, вы очень мало спите...

— Один — никогда... Шутка. Джина Лоллобриджида, когда я принимал делегацию, меня спросила: «Вы что, никогда не спите?» Я сказал: «Один — никогда». Все начали смеяться. А у нее был режим: в девять часов домой — и спать. Все поднимаются, ее провожают, и она бросает мне: «Ну, куда идем?» Я рот открыл и не мог ничего сказать. Потом злился на себя...

— Неужели не нашли что ответить?

— Растерялся, ничего не мог придумать. А недавно Никита Михалков позвонил, сказал, что она приезжает и хочет со мной встретиться — она занимается скульптурой и собирается делать выставку. Я ее приму в музее на Петровке, подниму хороший шум.

— Теперь заранее подготовите место, куда поехать вечером...

— Нет уж, теперь не поедем. Постарели все.

— Вы свои годы чувствуете?

— Пока нет. Вот сегодня торопился к вам, не пошел в мастерскую, но немножко гимнастику сделал, бегом позанимался, поднял штангу, принял горячий-холодный душ и прибежал к вам. Пока — живой.

«Дон Кихота тоже никто не любил»

— Москву в последнее время все чаще сравнивают со Стамбулом, с Ашхабадом. Вы здесь живете с 1964 года, вам нравится, как меняется облик города?

— Милые, дорогие... Конечно нравится. Я же знаю, откуда эта фраза идет про Стамбул. От людей, которые имеют звание архитектора, но карандаш в руках держать не умеют, рисовать не умеют. Они себя защищают, свою профессиональную неполноценность. А ведь какие вещи в Москве делаются...

— Кстати, насчет того, что в Москве делается. Какова судьба вашей хрустальной часовни? Когда она появится на Манежной площади?

— Ой, сложный вопрос. Дорого стоит такая вещь: хрусталь, оптика, нержавейка. Но иначе нельзя. Если восстановить часовню Александра Невского, какой она была — из черного чугуна, то она весь Кремль закроет. А хрусталь просвечивает: ночью горит, днем дает рефлекс от неба, от движущихся машин. Красиво. Хрусталь на восемьдесят процентов отлит. Но у города нет денег на окончание работ. Очень плохое финансовое положение. Работать продолжаем, посмотрим.

— А вам не кажется, что хрустальная часовня не очень будет сочетаться с вашими же произведениями — фигурками зверей, которые уже стоят на Манежной площади? Эклектика, конечно, в Москве процветает, но перебора не боитесь?

— Нет. Все, что красиво, — не перебор. Люди будут гулять с детьми, любоваться. Вон сейчас на Манежной сколько народу.

— В Москве у вас все в порядке, но вот Питер как-то не принимает — скульптуры там ваши не ставят, предпочитая Шемякина. Говорят, не вписываетесь в строгий классический стиль северной столицы.

— Я не знаю, принимает или нет. У меня была персональная выставка в Питере —в доме-квартире Пушкина. В «Пенатах» выставлялся (дом-музей Репина в поселке Репино, под Санкт-Петербургом . — *Ред.*). Поставил там скульптуру Святого Николая — бесплатно. В Санкт-Петербурге я занимаюсь Академией художеств (Репинским институтом). Недавно закончил ремонт фасада — 45 тысяч квадратных метров, кровли — 25 тысяч метров. Восстановил крест на часовне в Академии, уничтоженный после революции, сейчас заканчиваю Минерву девятиметровую, и весь объем здания будет завершен. И внутри идет ремонт.

— Вот ведь неблагодарные питерцы. А они вас обвиняют в том, что вы из Академии вывезли сотни уникальных картин XVIII—XIX вв. в Москву и возвращать отказываетесь.

— Нет, я объясню! Мы задумали провести серию выставок, посвященную 300-летию Санкт-Петербурга. Мы показываем одну партию работ, около трехсот, если не ошибаюсь, потом другую партию. Я реставрирую эти полотна (если бы вы видели, в каком жутком состоянии они находятся) и показываю. Должны же москвичи и россияне видеть эти произведения! С 22 по 25 января одна из этих выставок пройдет в Выставочном зале Гостиного двора в Москве — с участием Владимира Путина и Алексия II. Весной, накануне 300-летия северной столицы, она откроется в питерском Манеже. Почему этого не хотят? Кто рассылает анонимные письма и кричит, что Зураб забрал все в Москву и не вернул? Это было решено на президиуме Академии художеств вместе с питерскими коллегами. Мы юридически все оформили, по документации. И потом — это наши музеи, дорогие мои, мы что — сельскохозяйственная академия, а Москва — не столица России? Я для общества делаю, я реставрирую из своего кармана. Дон Кихота тоже никто не любил, а он сражался. И я делаю вопреки сплетням. Это удовольствие для меня.

Тициан, Микеланджело, Веласкес, Гойя — все придворные живописцы

— У вас прямые телефоны для связи с Кремлем есть?

— Мне как президенту Российской академии художеств полагается и первая АТС, и вторая (правительственная связь. — *«Известия»*). С Касьяновым? Да, могу связаться. С Путиным тоже. Почему нет?

— И часто этим пользуетесь?

— Нет, я никого не беспокою. Они звонят, я — нет.

— Каждый творец по-своему решает для себя вечную дилемму отношений творца с властью. По-вашему, художник должен быть близок к руководителям страны, города?

— Почему нет? Есть такое мнение, что художник должен быть голодным, в грязи жить, в нищете. Ничего подобного. Историю надо знать. Вокруг королей какие художники были? Великие. Тициан, Микеланджело, Веласкес, Гойя — все придворные живописцы. И гордились этим. Или все это плохие художники?

— Вы, похоже, для себя проблему отношений с властью, по крайней мере московской, решили однозначно. Как-то даже сказали, что ради Юрия Лужкова «вверх ногами встанете». Но зачем же так выворачиваться?

— Я вам скажу. Такого хозяйственника, такого доброго человека редко встретишь. А дороги, которые он построил? Как Москва освещена, как люди улыбаются, как витрины сияют. Как можно не ценить человека, который с утра до вечера думает о пенсионерах, ветеранах, духовности в России? Я вижу, сколько хорошего он делает для людей искусства.

— А вот злые языки упрекают городские власти в том, что людям искусства они покровительствуют весьма избирательно — любят, к примеру, Шилова, Глазунова, вас... Пожалуй, сразу и не вспомнишь других имен.

— Слушайте. Я лично сам, своим трудом создал свой музей. Мне никто его не построил. Все куплено и сделано на мои личные гонорары. Не было в Москве музея современного искусства — в Нью-Йорке, между прочим, их восемь, — а теперь есть.

— Вы прислушиваетесь к мнению Юрия Михайловича по поводу искусства?

— Он никогда не критикует художника. Это у него хорошее качество — он не мешает творческим людям.

— А он не обиделся, когда вы его изваяли в виде дворника и футболиста?

— Я и раньше представлял его дворником — человек, который убирает город. А когда узнал, что он в шестнадцать лет дворником работал, еще смелее начал лепить этот образ. А футболист — так он по субботам играет в футбол и на лошади катается. Хороший пример показывает. Многие бизнесмены как сядут в кабинете, так и не могут встать, чтобы свои заводы посмотреть. Вот еще хочу его в третий раз изваять, но пока не знаю, в каком образе. Должен во сне увидеть. Лужков ко мне во снах приходит.

— Вы еще говорили, что образ Путина вас как скульптора волнует. В администрации президента ваш порыв поддерживают?

— А я не спрашивал. Каждый художник в своей мастерской имеет право делать все, что его волнует.

«Я не из тех, кто деньги в подушку прячет»

— У вас много золотых украшений. Вы любите золото?

— Да, оно на меня хорошо действует. Теплое, энергию дает. Вот перстень — он фамильный. Когда супруга уходила из жизни, под подушкой для меня его оставила. На нем, видите, двое изображены — мужчина и женщина. Вот крест (*Расстегивает рубашку, показывает старинный, массивный, поразительно красивый крест.*), всегда со мной, мне еще бабушка его на шею повесила. Я в шестьдесят четвертом году, когда выезжал за границу, забыл его в декларацию внести и очень боялся, что отберут на таможне. А таможенник так посмотрел, улыбнулся и отпустил. Я был счастлив. Даже ремень этому парню купил — думал, буду ехать обратно, подарю, отблагодарю. Но так и не смог его найти.

— Известно, что вы много работ делаете бесплатно, многое дарите. Считаете себя богатым человеком?

— Да. И скажу почему. Когда ты владеешь мастерством, ты всегда можешь заработать. Я свою живопись на аукционах продаю и вкладываю деньги здесь. Поставил в Лондоне по просьбе Тэтчер скульптуру — человек ломает железный занавес. Они мне дали приличный гонорар. Ну сколько нужно человеку для счастья? Я не из тех, кто деньги в подушку прячет. Для художника, если его пластика понятна всем нациям, рынок всегда открыт.

— В вашем музее много экспонатов, которые вы вернули из-за границы.

— Весь авангард, вся современность там сейчас висит. В Эрмитаже один Малевич, у нас — четыре. Мы сейчас 59 работ забрали из Нью-Йорка — из тех, которые были куплены в России в эпоху бульдозерного искусства, тогда Кеннеди лично выделил на это деньги. Триста работ из Германии, двенадцать — из Израиля, девятнадцать — из Англии.

— Вам город бюджетные деньги выделил? Или эти работы подарили?

— Никто ничего не дарит. Когда на Эйфелевой башне поставили лифты и три демонтированные лестницы решили продать, две купил французский музей. Самую большую, шестиметровую, собирались забрать японцы. Когда мне это сообщили, я тут же вылетел в Париж, к директору Фонда Эйфелевой башни. Он коллекционер. Собирает искусство, живопись. Он мне назначил встречу вечером, занятый был. Сижу я в гостинице, вижу Эйфелеву башню — взял и нарисовал маслом. Вечером понес мокрую картину на встречу. Директор Фонда обалдел: «Ой, такой подарок, не могу, ваше искусство стоит дорого». Я посчитал — лестница эта стоила 640 тысяч долларов. Я сказал: «Лучше я вам дам искусство, картин десять, а вы мне дайте лестницу». Он начал думать: «Через десять лет ваше искусство будет в два раза дороже». И согласился. Я остался в Париже, нарисовал там десять живописных вещей (за его жест я еще одну лишнюю нарисовал) и ему подарил. Теперь эта лестница, одетая в стекло, стоит в музее на Петровке, во дворе.

— А случались у вас в жизни такие моменты, когда приходилось жить от зарплаты до зарплаты?

— Слушай, думаете, сейчас не так живу? Думаете, у меня долгов нет? Ошибаешься. Меня до сих пор спасает бронза, которую я за копейки купил в Грузии, когда закрылся Госснаб, когда в России бронзу не выпускали вообще... Поклонная гора, храм Христа Спасителя, Петр Первый — все из этой бронзы делал. Для Поклонной горы детали в Грузии отливали и грачевским самолетом сюда доставляли. Вот Гоголя для Рима делал бесплатно — думаете, мне государство дало эту бронзу?

— Неужели нет?

— Задушу сейчас... Дорогие, вот по этому надо судить — и за это аплодировать Зурабу. Надо меня узнать и понять, какую радость мне дает творчество, тогда и вопросы будете задавать другие, близкие к искусству, а не к деньгам.

«Я в Уругвае Гагарина поставил»

— Когда поставили в Севилье Колумба, испанцы не протестовали?

— Меня после этого избрали в Испанскую Королевскую академию художеств. Эта нация по-другому смотрит на искусство. Они не дикари.

— А у нас, значит, дикари? Вашего Петра до сих пор поминают, когда хотят покритиковать современную Москву.

— Бросьте. Полно знающих искусство людей, которые о Петре очень хорошо отзываются. А почему критиковали? Да потому что привыкли: привозят скульптуру вождя или колхозника, простыней накрывают, снимают, аплодируют, — всё. И вдруг — появляется рука, труба, образ, решается объемно-пространственная композиция. Это неожиданно было. Я историю изучал. И изваял уже 74 царя и князя российских. Во дворе у меня стоят. Ой, я умирал от смеха, когда меня пытали вопросами: зачем Петр в Москве. А почему нет? Он что, губернатором Петербурга был? Он же царь России, он сорок пять указов выпустил. Недалеко от того места, где памятник встал, его крестили.

— Ваша последняя работа — памятник Гоголю в Риме. Решили взяться за русских классиков?

— Знаете, я взял такой курс, чтобы наших русских классиков не украли — как американцы украли авангардистов. Никто не говорит сейчас, что Баланчин, Бродский были русские. Я поставил в Риме две доски Карлу Брюллову — в его доме и в мастерской, где он создавал «Гибель Помпеи». Также думаю, что наша обязанность — не забывать про Иванова, который написал «Явление Христа народу». В пушкинский юбилей мы во многих государствах поставили Пушкина — недавно было открытие его памятников в Чили, в Аргентине, в Мексике. Я лично создал в Уругвае площадь Толстого и площадь Гагарина.

— Почему Гагарина — в Уругвае?

— Там огромнейшая колония русских, четвертое-пятое поколение эмигрантов. Для них Россия — Толстой и Гагарин. Толстого все проходят в школах, и они так же очень гордятся, что русский человек первый улетел в космос.

— Американцы вас любят?

— Я сделал для Фонда Кеннеди-Шрайвер символ олимпиады для больных детей, которая проводится каждые четыре года. Перед университетом изящных искусств в Брукпорте поставил огромного Прометея. Безвозмездно. Буш ко мне домой приходил, выбрал этот, как его, «Добро побеждает зло» — монумент, который стоит в Америке. И Колумба, который пока еще лежит, потому что отсюда, из России, помешали его установить. Вот в Испании не успели помешать — там Колумб стоит.

— Как помешали?

— Как, как... Написали, что я в Москве голову Петра на туловище Колумба установил. Они обалдели. Они же как дети, всему верят. Губернатор города Колумба, по происхождению белорус, приезжал ко мне с пятьюдесятью горожанами, умолял перенести скульптуру из Майами в его город. Хорошо, я согласился. Вдруг — бах, пресса пишет, будто скульптура из особого стратегического металла и я его буду потом продавать. Конечно, американский белорус испугался.

— У вас нет ощущения, что вас за границей больше ценят?

— Нет, я себя очень хорошо в Москве чувствую, и очень меня здесь ценят. Везде внимание и благодарность от москвичей получаю.

«Чем больше будут нападать, тем больше буду создавать»

— Ваши работы часто ругают за то, что они слишком большие.

— Пойдемте в мастерскую — покажу маленькие работы. Я себя, честно сказать, сохранил как художник, который делает монументальные работы. Синтез скульптуры с архитектурой. Это отдельная философия, опыт, полученный от русских архитекторов, с которыми мы вместе создавали комплексы. Я первый такой комплекс построил в Пицунде. Сикейрос, великий мексиканский художник, приехал и долго не уезжал, все сидел и смотрел, как в цвете я делал объем для другого комплекса — детского парка в Адлере. Сидел и говорил: «Мой педагог Ривера также создавал объемную живопись, но его искусство было злой, а твой искусство — добрый». Когда говорят — ой, это большой, я задаю вопрос: «Если я маленький сделаю, вы будете говорить, что это маленький?» Дайте право художнику, архитектору, профессионалу самому найти масштаб.

— Вы считаете, что художник имеет право вписывать в пространство все что хочет или у людей есть свои права на этот счет? Сейчас москвичи активно выступают против скульптуры Рукавишникова — имеется в виду памятник Булгакову на Патриарших прудах с 12-метровым примусом.

— Огромнейший грех выступать против искусства. Рукавишниковское решение и эта скульптура — очень хорошие. Что значит — не нравится? Профессионалов надо слушать, художественный совет, а он одобрил. Что значит — люди? Откуда я знаю, может, этот человек больной психически? Недалеко от моей галереи живет одинокая женщина, она как услышит музыку, у нее аллергия. Когда собаки лают, луна все же светит. Солнце же не испугался, не стал темный.

— Чего бы вы пожелали себе в новом году?

— Чтобы как можно больше критиковали людей искусства в лице меня. Мне лично это поднимает тонус. Чем больше будут нападать, тем больше буду создавать.

— Откуда силы берете, чтобы противостоять нападкам?

— Я скажу. Я профессионал. Я знаю что делаю. Художник — он наедине с глиной, и никаких аплодисментов. Пока поймут, что он великий, он уходит из жизни. Поэтому не травмируйте художника, он и так трагический человек.

• БЛИЦОПРОС

— Ваши любимые блюда?

— Я не капризный, всякую кухню люблю. Иногда очень хочется мамалыгу, сыр — сулугуни или горный с лепешками.

— Вино пьете?

— Пью, но не на работе. Вообще зеленый чай люблю.

— На какой машине ездите?

— На черном «Мерседесе».

— У вас есть дом в Тбилиси?

— Да, и мастерская там больше, чем здесь. Высокий с Влади отмечали там свою свадьбу. Да в нем все перебывали, от певцов до политиков.

— Политикой интересуетесь?

— Нет. Я уже был депутатом и почувствовал, что порчусь. Не занимаюсь искусством, а кричу, ору, делаю какие-то непрофессиональные вещи. Каждый должен выполнять свою работу, тогда будет польза.

— Говорят, вы люстру сделали для дачи Горбачева.

— Да, сделал. У меня много интерьерных работ. Вот этот старый дом на Большой Грузинской сам восстановил и обставил. Даже ручка, которой пишу, тоже мной сделана.

— А вам приходилось в советские времена изображать Ленина?

— Никогда. Я всем объяснял, что не могу Ленина рисовать — чтобы характер перенести на холст, мне нужно с натуры взять внутреннее состояние человека. Я даже в Ульяновске бассейн сделал с рыбками, а не с Лениным, как предлагали, сказал, что политически неверно Ильича под водой изображать. Сейчас ульяновцы благодарят, говорят: бассейн очень украшает город.

— А вы себя больше русским считаете или грузином?

— Я об этом не думаю. Живу в Москве с 1964 года. И хочу, чтобы мое искусство было понятно всем нациям. Вот как Пикассо — его искусство сейчас для всех понятно стало.

— Как вы относитесь к художественной критике?

— Если бы я видел профессиональную критику в России, был бы рад. Но сегодня мне этих людей жалко.

— А вы в суды обращаетесь, когда на вас «клевещут»?

— Нет, никогда. Когда маленький был, бабушка говорила: если тебя ударят по одной щеке, подставь другую.

— Это Библия.

— Это не только Библия, это еще и «Витязь в тигровой шкуре». Когда у меня на душе пустота и какая-то напряженность, я беру томик Руставели (он у меня всегда в спальне лежит) и смотрю. Особенно когда корреспонденты приходят, я моментально мудрость там нахожу и им читаю.

«Моя семья». Слева направо: мэр Москвы Юрий Лужков, дочь Лужкова Алена, Зураб Церетели, дочь Лужкова Ольга, жена Лужкова Елена Батурина